

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Беларусь

Во все переломные периоды истории проблема выбора социокультурного вектора развития становится решающей для судеб многих народов. При этом сам тип выбора диктуется не только реалиями текущего времени, интересами отдельных личностей или социальных групп, но и в огромной степени теми традиционными способами принятия решений, которые сложились у каждого народа в результате его исторического развития.

В современной науке выделяется два основных типа осуществления выбора – инверсия и медиация. Для восточных славян конститутивной чертой, проявлявшейся на протяжении всей истории и сохранившей значение доминанты в современных условиях, служит инверсионный тип решения социокультурных противоречий и выбора решений. Инверсионный тип мышления выражается в абсолютизации дуальной оппозиции, четко разграничивающей все многообразие мира и социальных отношений на два прямо противоположных полюса, один из которых приобретает однозначно-положительное значение, другой – столь же однозначно-негативное.

«Положительный полюс» этой дуальной оппозиции составлял идеал, реализующийся, в частности, в конкретной форме социальных отношений (типе государственности, лидерства, отношений «индивид – социальная группа – государство» и т. п.). Иные явления, попадающие под закрепленный в традициях и стереотипах «идеал» либо рассматриваются как несущественные, либо располагаются на противоположном «отрицательном полюсе». Характерная для восточного славянства приверженность форме при традиционном господстве патриархально-православной константы и сакрализации основных сторон жизни (даже в условиях формально-атеистического общества) делает подобный стиль отношений к прошлому, настоящему и будущему достаточно устойчивым, позволяющим выдерживать значительные деструктивные воздействия.

Инверсия представляет собой способ принятия решений, заключающийся в простом выборе между двумя противоположными вариантами. Такая простая инверсия в случае разочарования в «противоположном полюсе» приводит к элементарной перемене полюсов дуальной оппозиции, минуя варианты компромиссные, не сводящиеся к уже известным крайностям. Господство инверсионного мышления объясняет столь характерный для восточнославянского менталитета резкий переход от одного состояния в прямо противоположное: от рабской покорности к всеобщему разрушительному бунту, от мистики христианства к воинственному атеизму, от доброты и человечности к безумству жестокости и насилия, от высокомерного презрения к «иноземщине» к слепому подражательству.

С этим связана и другая важнейшая характеристика инверсионного типа выбора – ориентация на воспроизводство уже ранее оформившихся образцов-идеалов, на господство прошлого над будущим, традиции над новаторством. Простая инверсия затрудняет поиски новых вариантов организации человеческого сообщества. Жесткая конструкция дуальной оппозиции препятствует формированию неких компромиссных вариантов, что реально на основе медиационного типа мышления как диалогового, направленного не на абсолютизацию имеющихся крайностей, а на поиск новых решений на основе их взаимообогащения и взаимопроникновения.

Отличительной чертой белорусского менталитета исследователи обычно выделяют толерантность. Означает ли это, что белорусская толерантность служит основой медиационного, а не инверсионного способа выбора? Предполагаем, что ответ здесь отрицательный. Само понятие толерантность неоднозначно. Во-первых, в ее основе может лежать безразличие к иному типу ценностей, ориентация на свою изолированность от

внешних влияний. Во-вторых, она может строиться на основе признания личностью или социумом права иного, более сильного навязывать ему свои ценности и образ жизни. В этом случае толерантность фактически тождественная биологическому инстинкту выживания и комплексу национальной неполноценности. Такой тип толерантности прежде всего формируется у народов, испытавших длительное иноземное господство, которое нанесло ущерб их историческому сознанию, государственно-национальным формам мышления, нарушило поступательную преемственность культурного развития. Положительный потенциал несет третий тип толерантности, основанный на органическом сочетании чувства национальной гордости и самоуважения с заинтересованным и уважительным отношением к иному, со структурной интеграцией лучшего из этого иного и превращением его в органическую часть своей культуры.

Для белорусского менталитета прежде всего, в силу особенностей исторического развития и долгого отсутствия собственной государственности, характерен в большей степени второй вариант толерантности, при котором достаточно высокий уровень медиации в обыденной жизни сочетался с не менее высоким уровнем инверсионности в вопросах социального устройства и его перспектив.

Инверсионность мышления амбивалентна: она источник и силы, и слабости восточных славян. Сила – в приверженности идеалу, в способности переносить жестокие страдания и невзгоды, в жертвенности ради общего дела. В этом – источник сохранения своей особенности, неповторимости, оригинальности.

Слабость – в неумении и нежелании менять идеал в соответствии с изменением реального мира, в приверженности форме, любое изменение которой воспринимается как покушение на мировоззренческие основы. В связи с этим одна из важнейших проблем современных реформаторов – определить, от каких изживших себя конкретных форм восточнославянских традиций можно отказаться без особого ущерба для развития общества, как использовать внутренний потенциал этих традиций в иных формах, а какие жизнеспособные формы следует поддержать и далее.

Сильные стороны инверсионности позволяли одерживать победы в военном соперничестве. Слабость обрекала на роль догоняющих захвативший с XVII–XVIII вв. роль мирового лидера Запад. В условиях, когда противостояние европейских Востока и Запада еще носило ярко выраженный конфессиональный характер, приверженность православному идеалу составляло прочную основу восточнославянского уклада жизни и позволяло успешно соперничать и с Западом, и с восточным миром. Но в дальнейшем поле борьбы изменилось – на первый план вышла идея прогресса в ее десакрализованной технико-технологической форме.

Восточные славяне не смогли противопоставить этим новым «правилам игры» иной конкурентноспособной идеи, уступив инициативу западному «прогрессистскому мессианизму». В свою очередь комплекс «цивилизационного аутсайдера» при доминировании инверсионного стиля мышления время от времени вызывает простую перестановку полюсов традиционной дуальной оппозиции («свое – добро», «иноземное – зло»). На рубеже 80–90-х гг. западные стандарты и институты рассматривались как положительные, идеализируются и превращаются в панацею. Однако крах иллюзий быстрого и безболезненного достижения западных стандартов приводит к простой инверсии: массовому отторжению западных стандартов на «отрицательный полюс» и, соответственно, возврату на «полюс положительный» еще недавно, казалось бы, дискредитированного общинно-социалистического идеала.